

МОСГОРСПРАВКА МОСГОРИСПОЛКОМА

Отдел газетных вырезок

Чистопрудный бул. 2

Телефон 96-69

Вырезка из газеты СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

от

25 MAR 41

Минск

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

Глеб Глебов

Свой путь в искусство Глебов начал давно, еще в годы своего отрочества.

... Есть на Украине—между Одессой и Николаевом—город Вознесенск. Тихий заштатный городок над Бугом. Жизнь здесь, как и во всех маленьких городках царской России, была безрадостной, тусклой, ограниченной. Здесь, в семье железнодорожника станции Вознесенск родился будущий народный артист.

Мальчика-подростка неудержимо влекло на иной жизненный путь. Бывало, когда в школе готовили ученический спектакль, Глеб всегда был одним из первых, кто охотно записывался в исполнители. Получив роль, он уходил к широкую и быстрому Бугу зазубривать слова роли, проникнуть в чувства изображаемого персонажа.

Конечно, его любовь к искусству тогда еще не была завершенным стремлением, четко определившимся решением пойти на работу в театр. Но его искренно волновали мысли, навеянные характером тех персонажей, образы которых он создавал перед ученической аудиторией.

Иногда в их городок приезжали артисты. Настоящий театр! В такие дни городок оживал, словно в него вливали свежую струю. На полустгнивших заборах аршинными буквами значилось в афишах: «Наташка-Полтавка», «Запорожец за Дунаем», «Ой, не ходи, Грицю» и «Женитьба», «Свадьба Бречинского», «Дети Ванюшина». Это бывал преимущественно украинский театр, раз'ездная труппа, отколовшаяся от знаменитого театра Заньковецкой или Саксаганского. Полимейстер, боявшийся украинского языка, требовал от актеров обязательно исполнять пьесы и украинские и русские, и в один вечер давали два спектакля. Хотя спектакли обычно поздно затыгивались, среди постоянных их зрителей всегда

можно было найти и маленького Глеба. Мальчика влекла сцена. С горящими глазами следил он за каждой интонацией, за каждым жестом актера, волнуясь при этом неимоверно.

Мысли о будущем постепенно выплывали в страстное желание стать актером. Однажды Глеб пошел за кулисы. Там он нашел импрессарио, человека в мягких сапогах, на которые опускались широкие плюсовые шаровары. У импрессарио были длинные усы. Мальчик долго не мог разобраться: наклеенные ли то усы или настоящие. Заметно волнуясь, начал он робко просить этого важного дядю взять его в театр. Длинноусый импрессарио посмотрел на мальчишку и, приоткрыв дверь, закричал тонким фальцетом, так не шедшим к его фигуре:

— Геть! Падиук!

Такое обращение строгого администратора не смутило мальчика, не убilo в нем стремления к высокому и таинственному храму искусства. Прошло несколько лет, подросток вырос в крепкого юношу. Он уже закончил школу. И двадцатилетний Глебов пошел на работу в театр.

В 1926 году Глебов познакомился с коллективом 1-го Белорусского театра. Он полюбил его и остался здесь навсегда, всем сердцем почуввав настоящее искусство, создаваемое в этом театре. Тогдашний художественный руководитель театра Е. А. Минович много помогал молодому актеру Глебову. Чувствуя в нем художника, одаренного самобытной творческой силой, он помогал ему совершенствовать свое дарование, воспитывал в нем идейную целеустремленность.

Непрерывно учась и совершенствуясь, Глебов в те годы не стремился к большим ролям. Он присматривался к жизни, много читал, шлифовал свое мастерство, об-

ретая постепенно свой мужественно поэтический голос, вырабатывая свое, «глебовское» в искусстве.

Первыми большими ролями его были: Павел Немира в «Батька-Ушчыне», Чутов в «Волках и овцах», Гарпагон в «Скупом». Уже в роли Гарпагона Глебов показал свое умение спонтанно переворачиваться, показал свой собственный голос в искусстве актера. Мольеровский Гарпагон в исполнении Глебова — это яркая поэма о скупости и человеческой жалости.

Взыскательный и строгий к себе, Глебов всегда испытывает чувство большой ответственности за создаваемый им спонтанный образ, всегда ищет самой простой, самой ясной формы роли. Каждую роль он создает, твердо зная, чего хочет, во имя чего играет. Даже эпизодическую роль Халимона в «Партизанах» Глебов насытил громадной внутренней силой, народной мудростью.

... Дремучий лес. Сюда партизаны привели помещицу Янтриховскую. У партизана Халимона завязывается с ней беседа. И в этой беседе — здоровый, беззлобный юмор белорусского крестьянина, сочетающийся с глубокой человечностью. Ему не к чему злобствовать на эту женщину. Халимон приберегает ненависть к поработителям для решительной схватки, а здесь

перед ним потерявшая былую силу и власть пани. Обаятелен Халимон Глебова, когда он берет эту пани под ручку и, подводя ее к пеню, галантно произносит: «Проще пани до стола». Та откачивается, но Халимон настойчив: — Ешь, не стесняйся! Весь вок наше ала!..

Большое восхищение вызывает игра Глебова и в пьесе Самуйленка «Гибель волка». Здесь он воле в образе вредителя Харкевича. Говорит тихо и мягко, вкрадчиво и заискивающе. Убедительно раскрывает он внутренний мир этого бывшего панского холопа, обманом проникшего в колхоз для того, чтобы вредить, мешать социалистическому строительству.

Создавая образ Богдана Харкевича, Глебов не пошел по проторенному пути изображения шпионов, а избрал свой, очень верный и убедительный путь. Вот почему образ врага получился у него жизненно правдивый, возбуждающий у зрителя не только жгучую ненависть, но и презрение и гадливость. Умно и тонко, ярко и выразительно нарисовал Глебов образ одного из тех, против кого боролся партизан Халимон, против кого боролся весь белорусский народ, ведомый партией большевиков.

Беспокойный художник, всегда ищущий новых путей в искусстве, народный артист БССР Глебов ненавидит всякую искусственность, всякую фальшь на сцене. Непримиимый враг манерности, позерства, сторонник благородной простоты, Глебов всегда борется за искусство правдивое, за искусство глубоких мыслей и сильных страстей.

В роли Туляги в замечательной комедии сталинского лауреата Кандрата Крапивы—«Кто смеется последним» Глебов раскрывает свой блестящий комедийный талант. Туляга—честный, но до крайности трусливый, робкий человек. Вот он ходит неслышными шагами, открытые глаза испуганно озираются по сторонам, ласковый голос замирает в упоении собственной трусостью, он пугается всего, даже шума, который сам производит. Есть что-то в Туляге-Глебова от гоголевского Акакия Акакиевича. То же сомнение, то же чувство робости. Но Глебов, показывая Тулягу, подробно объясняет, откуда происходит это родство, показывает корни своего «забаво-временного» чувства страха. В беседе с Верой и Черноусом он рассказывает, как в империалистическую войну он бежал из Барановичей в Воронеж, и зритель понимает: этот страх, эта робость принесены из старого мира. Глебову предстояла очень трудная задача: ведь сейчас Туляга живет в советской действительности, где нет места этому страху. Значит, надо показать превращение Туляги, пробуждение в нем чувства и сил, загнанных страхом. И вот в нем постепенно пробуждаются силы, поддерживаемые секретарем парткома Левановичем. Преодолев робость, он почувствовал смелость и уверенность, ибо эта смелость зиждилась на глубоком сознании своей правоты, ибо мечтой Туляги была не шинель Акакия Акакиевича, а высокие жизненные идеалы. Незабываемо передает Глебов сцену, когда Горлохвастский уходя прощается с ним, и Туляга, подняв руку в знак приветствия, постепенно опускает палец за пальцем и оставив один указательный палец, начи-

нает ему угрожать: «Несколько дней до твоей гибели»,—ликуя от предстоящей победы, произносит Туляга-Глебов...

Последовательный и убежденный поборник реалистического театра, незаурядный художник сильных человеческих чувств, Глебов живет не только творческим воспроизведением образов, но и многогранной творческой жизнью актера-общественника. Его личное всегда слито с общественным, у него нет разлада между своим и общим.

Беззаветное служение советскому искусству завоевало Глебову любовь у зрителей Белоруссии. Правительство высоко оценило талант Г. П. Глебова, присудив ему в январе 1940 года звание Народного артиста БССР. После декады белорусского искусства в Москве за выдающиеся успехи в развитии белорусского искусства Союзное Правительство наградило Глебова орденом Ленина. Эта высокая награда воодушевила его на новые подвиги во славу советского искусства.

В день, когда Советское Правительство присудило Г. П. Глебову Сталинскую премию, он получил телеграмму из Москвы: «Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР сердечно поздравляет Вас с присуждением Сталинской премии. Надеемся, что Вы и в дальнейшей творческой работе оправдаете высокое доверие народа, партии и правительства. Храпченко, Шаповалов, Солодовников».

Народный артист Советской Белоруссии, безусловно, оправдал это высокое доверие. Уверенное высокое награждение Сталинской премией—вызвало в нем новый прилив творческой энергии. Он мечтает создать в театре страстный, могучий образ советского патриота. Как в юношеские годы его неудержимо тянуло в театр, так теперь плечет его, народного артиста БССР, эта роль.

Мих. ДЫМНЫЙ.

Советская Белоруссия

№ 71 25 марта 1941 г. 3